

ГЛАВА

1

Рубаха у Прошки — заплатка на заплатке, но чистая, он сам стирает её с песочком у реки и сушит на горячем солнце. И штаны не лучше: короткие, латанные-перелатанные. Босые Прошкины ноги покрыты саднящими цыпками, сивые, давно не стриженные волосы торчат космами, лицо бледное и худое. Через плечо висит холщовая сумка, в которую Прошка складывает подаяние. Он бредёт, опираясь на палку, она нужна, чтобы отгонять собак.

Собак Прошка не любит и боится, они преследуют его в каждой деревне. Стоит одной шавке забрехать, как откуда ни возмись прибегают ещё десять, набрасываются с остервенелым лаем. Если бы не крепкая палка, разорвали бы Прошку на куски.

Когда-то давно, полгода назад, он мог считать себя самым счастливым парнишкой во всём селе. Это Прошка понял только сейчас. И мамка,

и тятка у него были живы-здоровы, на полу возилась с тряпичными куклами сестрёнка; на столе исходили густым паром щи со сметаной и жирная каша в большой плошке. Под лавкой стояла пара крепких башмаков. И подумать Прошка не мог, что всё куда-то денется.

За лето не выпало ни капли дождя, посевы в полях погибли. Начался голод. Село стало тихим и хмурым: не бегала по улицам ребятня, не брехали цепные кобели, пропали голуби.

Доводилось Прошке обедать и лепёшками из лебеды, и хлебом пополам с соломой. Кое-кто из посёлка уехал по чугунке в сытые губернии: билеты голодающим давали бесплатно. Думали податься в чужие края и Прошкины родители, да мамка пожалела корову, не знала, что та скоро околеет от бескормицы.

Первой померла сестрёнка. Прошка заметил, что маленькие от голодухи мрут первыми. Мать с отцом ушли на тот свет не от голода — от заразы. Вот так это случилось: постучались в избу странники, пустите, дескать, переночевать.

— Ночуйте, — позволила мамка, — угощать нечем, сами голодаем.

Странники попили воды из ведра и устроились спать на лавке. Утром ушли, а через несколько

СОРОЧЬЕ ГНЕЗДО

дней отец с матерью слегли от тифа и больше не встали. Никто в селе этой страшной хворью не болел, стало быть, это странники принесли заразу. Тятка с мамкой лежали в могиле, а Прошка даже не кашлянул, лишь как скелет отощал.

Вскоре к нему наведалься краснолицый усатый урядник и сказал, что Прошку заберут в приют. Тот почти не слушал, в голове помутилось от запаха хлеба, настоящего, сытного, духовитого. В кармане урядника лежал приличный кусище, Прошка почему-то ясно видел его через серое сукно шинели.

— У тебя родные есть?

— Я знаю только дядю Савелия, тятиного брата.

— Адрес у дяди какой?

Адреса Прошка не помнил. Отец говорил, что живёт Савелий далеко, в N-ской губернии.

Урядник крикнул.

— N-ская губерния большая. В приют тебя определим, а там видно будет. Отыщем дядю, значит, заберёт к себе. Государь наш Александр Александрович сирот не обижает, даёт призор и пропитание.

Прошка потянул носом и слотнул слюну. Урядник замолчал на полуслове, засуетился, полез в карман.

Ольга Пустошинская

— Вот, поешь.

Хлеб Прошка умял мгновенно. Успел почувствовать, как твёрдая кисловатая корочка царапнула нёбо.

Известие о приюте он выслушал с безразличием, даже не поинтересовался, далеко ли ехать. Дорогу Прошка плохо помнил. Телега тряслась, гремела колёсами по замёрзшей грязи, ползли мимо верстовые полосатые столбы.

— Угадай загадку, — повернулся урядник, — нем и глух, а счёт знает. Что это, а?

Прошке не хотелось отвечать, он спрятал нос в воротник тулупа.

Два раза они останавливались у трактира погреться чаем — и ехали дальше. Смутно Прошка представлял, что такое приют. Думал, он похож на церковь с высоченными сводами и куполами, а увидел обычный дом в помещичьей усадьбе. Ну, не совсем обычный — под железной крышей, большущий, битком набитый голодающей сельской ребятнёй. Самое главное, в приюте трижды в день кормили, и Прошка решил, что жить здесь можно, пока за ним не приедет дядя Савелий.

Прошла зима, потом весна — от родни не было ни слова. Верно, позабыл про него урядник, не разыскал дядю.

СОРОЧЬЕ ГНЕЗДО

Прошка собрался с духом и подошёл к помещице Седякиной, управляющей приютом.

Она переспросила, глядя через стёклышки пенсне:

— Что? Конверт и бумагу тебе? Адрес дядин знаешь?

Он назвал губернию, дядину фамилию, имя-отчество, а село запомнил. То ли Николаевка, то ли Покровка, то ли Петровка.

— Ну хорошо, я напишу и в Николаевку, и в Покровку.

— И в Петровку, — осмелел Прошка.

Он воображал, что дядя получит письмо и сразу придет, ну или по крайности пришлёт ответ. Прошка подкарауливал почтальона, приносившего в поместье газеты и письма, потом бежал к Седякиной. Та перебирала конверты и качала головой: «К сожалению, от твоего дяди ничего».

Да жив ли он? Прошка ещё малым видел дядю, лет шесть назад, когда тот с женой приезжал на Пасху. Вдруг он умер, как тятка и мамка? По слухам, семнадцать губерний голодали. Потерять последнюю родную душу — это не по-божески, против всякой справедливости.

Тяжёлые мысли теснились в Прошкиной голове. Ребята, наевшись пшеничной каши с куку-

ручными лепёшками (говорили, что кукурузную муку везли морем из Америки), шалили, затевали игры. Прошка сторонился мальчишек. Он и раньше был смирным, а теперь стал точно забитым. Брал из библиотеки Седякиной книжку, садился в уголок и листал. Помещица за это любила Прошку, хвалила и называла «маленький книгочей».

Осенило его внезапно. Удивительно, как раньше он не докумекал до такой простой вещи. Кто лучше него сможет отыскать дядю? Верно, никто. Чужие люди здесь плохие помощники. Сядет Прошка на поезд и доедет до соседней губернии, а найди Савелия Горемыкина в Николаевке, Петровке или Покровке будет проще простого.

В котомку он сложил рубашку, тяткин пиджак и мамкину шаль, которые прихватил из дома. Пригодятся обменять на еду.

Приседая от страха, Прошка пробрался на кухню и взял хлеб, луковицу, несколько кусков заграничного сахара — что под руку попало. Закинул сумку за спину и побежал прочь из поместья, боялся, что если начнёт раздумывать, то не сможет уйти, струсит. Прошку никто не остановил. Кто-то из ребят крикнул вслед: «Эй, сивый, куда побёт?» — но догонять поленился.

Станцию он нашёл по гудку паровоза. Тот свистел пронзительно и призывно, как бы говоря: «Я тут, малец, давай поторапливайся, коль хочешь успеть! Ждать не стану!» Раньше Прошка любовался громадными, дышащими жаром паровозами, когда прибегал с ребятами на станцию, а прокатиться ему ни разу не подфартило, да и некуда было ехать, по совести говоря.

На поезде до дяди Савелия он так и не добрался. Думал, раз голодающий — садись и кати куда хочешь, а железнодорожники стали требовать документ, спрашивать, с кем Прошка едет. Он испугался, что его, не разобравшись, снова отправят в приют, и выскочил на незнакомой станции.

Бедолага потерял счёт дням. Казалось, что он скитается целую вечность. Закончились хлеб и сахар, Прошка обменял на еду мамкину шаль, батюкин пиджак и свою сменную рубаху.

В Покровке Савелия Горемыкина не знали.

— Нету такого у нас, никогда не слыхала, — покачала головой молодая баба в наглухо повязанном платке и поставила на землю полное ведро воды. Говорила она протяжно, будто пела.

Прошка надеялся на везение и огорчился до слёз, узнав, что дяди в селе нет.

— Родню ищешь? — посочувствовала молодуха.
— Дядю.

Он посмотрел, как играют на воде солнечные блики, и провёл языком по сухим губам. Достал из котомки кружку.

— Можно мне попить?

— Что ты, милый! Холера кругом, кипятить надо.

Прошка захлопал глазами. Про холеру он ничего не слышал, пил любую воду, какая встречалась: из реки, ручья или колодца.

Добрая баба позвала его в избу, усадила за стол. Перед Прошкой появилась тарелка щей и кусок тёмного хлеба с лебедой.

— Попрошаек мно-ого ходит, — окала молодуха, — а мы что, сами почесть одну траву едим. Зимой чуть не померли, ну сейчас-то всяко полегше. Мерианскую пшеницу привезли, кукурузу, сахару... Тебя-то жалко, ить малой. Сколько тебе годов?

— Одиннадцать.

Баба удивилась:

— Вона как... А по виду — малой.

Он спросил дорогу до Петровки, до неё оказалось сто сорок вёрст — путь неблизкий, а с пустым животом в особенности. Два дня Прошка крепился, не решался протянуть руку за подаванием — это

же так стыдно! У них в селе и в хорошие времена нищих не жаловали.

— Подайте ради Христа... — тянул Прошка, не поднимая глаз от земли.

Должно быть, его жалели. Подавали то корку хлеба, то кукурузную лепёшку, то кусок ржаного пирога с кашей. Где пешим ходом, где на попутных подводах добрался он до Петровки. Там тоже бушевала холера, мёртвых хоронили в общей могиле, не успевали копать отдельную для каждого усопшего.

Прошку охватила страшная тоска. Неизвестно откуда пришла уверенность: Савелия Горемыкина здесь нет и никогда не было, как и в Покровке. И что хуже всего — в Николаевке его тоже нет. С Прошкой бывало подобное и раньше. Как втемяшится ерундовая ерунда в голову — не выбьешь и палкой, а после оказывалось, что всё случилось как по писаному. И в этот раз так вышло: в Петровке Горемыкиных никто не знал. Ох, как сплеховал Прошка! Оставил сытую жизнь в приюте, теперь сгинет, помрёт от голода, как пёс подзаборный.

Он больше не совестился просить милостыню, голод притуплял всякий стыд. Мамка прежде всегда нищим подавала. Где-то в небесной книге у Бога

записаны все её добрые дела, все кусочки хлеба учтены и все копейки, которые отрывала от себя мать. Кто знает, вдруг теперь этот хлеб возвращается к Прошке?

— Подайте Христа ра-ади... — постучал он в большой и богатый дом с высоким крыльцом.

Выглянула дородная баба с заплаканными глазами, одетая в чёрное, и сказала:

— Поминки у нас. Муж от холеры помер. Заходи, помянешь раба Божия Павла, от маленьких помин лучше доходит.

Прошка замялся. А ну как он заразится и заболит? И одёрнул себя: не всё ли равно, от чего помирать — от голода или от холеры.

Переступил порог, перекрестился на иконы. Огляделся: народу полный дом, батюшка в рясе сидит во главе стола. Прошка успокоился, забормotal: «Царствие Небесное рабу Божьему Павлу» — и примостился на краешек лавки.

Обед по голодным временам был богатым и сытным: щи, каша, жаркое, блины. Батюшка благословил трапезу, но сам ни к чему на столе не прикасался.

Вдова заволновалась, пододвинула ближе тарелки.

— Отец Кирилл, вы совсем ничего не попробовали. Щец, кашу?

— Нет, благодарствую, — скромно ответил батюшка.

Все принялись уговаривать его помянуть покойного. Вдова кланялась в ноги и просила со слезами съесть хотя бы блинчик. Отцу Кириллу, видно, стало неловко. Он поддался на уговоры и взял с тарелки блин. Все смотрели батюшке в рот, забыв про еду, в тишине было слышно, как в избе жужжала муха.

Когда последний кусочек блина был съеден, вдова и две взрослые дочери бросились батюшке в ноги, благодарили, целовали руки и полы рясы.

— Вот спасибо, отче, вовек не забудем!

— Полно, что я такого особенного сделал?

— Как же! Теперь у нас хвори не станет.

— Почему не станет? — удивился отец Кирилл.

— Мы тебе блин особый дали, чтобы хворь прогнать. Примета у нас есть: чтобы хвори не было, надо батюшке блин дать, который на лице у покойного день пролежал.

Отец Кирилл побледнел, поднялся из-за стола.

— Невежественные люди! В Бога веруете, а сами что творите?

— Но как же... примета верная!

Батюшка с досадой отмахнулся и вышел за дверь.

К блинам, пышным и румяным, Прошка не притронулся. Ну их.

Двенадцать вёрст до Николаевки он одолел из упрямства, брёл, уже ни на что не надеясь. Поинтересовался у курносой девчонки с корзиной рыжиков, где живут Горемыкины, и по её удивлённому лицу всё понял. Так и знал!

— Много грибов? — хмуро спросил Прошка.

Рыжики можно навздеть на палочку и запечь на огне. Вкусно с хлебом, и никакого мяса не надо.

— Много. Мамка солит... Показать, где растут?

— Не надо, сам найду, — отвернулся Прошка.

— Эй! — окликнула курносая. — К заимке близко не подходи, там место плохое.

Он решил, что девчонка привирает. Поди, местечко там заветное. Жадничает, не хочет, чтобы её грибы обобрали.

ГЛАВА

2

Рыжики ищут под соснами, у Прошки в селе это любой ребёнок знает. Где сосна — там и рыжики, крепкие, коренастые, золотисто-оранжевые. Он разгребал хвою, обламывал грибы. На краях ножек сразу появлялся млечный сок. Пахли рыжики вкусно — смолой и яблоками, так бы и ел сырыми.

Поблизости звенели ребячьи голоса. Сельские мальчишки и девчонки бродили с корзинками, грибы собирали. Боясь, что его, чужака, побьют и прогонят, Прошка углубился в лес и вскоре остался один, только две любопытные сороки летели следом, перепархивали с ветки на ветку, трещали, должно быть, ругались на своём птичьем языке или обсуждали Прошку.

— Кыш отсюда!

Он бросил в птиц сосновой шишкой — и не попал. Сороки не улетели, лишь перебрались на

другое дерево и смотрели оттуда, как Прошке показалось, укоризненно. Ему стало совестно: обидел божьих тварей ни за что.

На дне холщовой сумки, под рыжиками, лежала краюшка хлеба — милостынька, её дала с собой богатая вдова. Прошка отщипнул кусочек и бросил птицам. Те громко застрекотали, как будто засмеялись.

«Добр-р-рый пар-рнишка!» — сквозь трескотню слышалось Прошке.

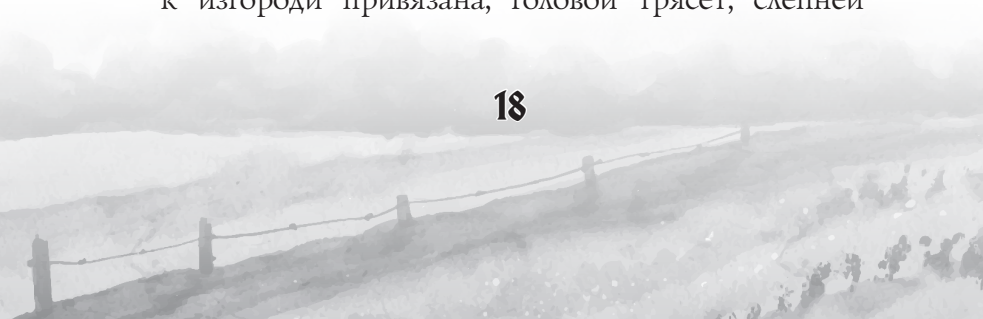
Он в изумлении вытаращил глаза. Что за чертовщина?

Одна из сорок спорхнула на усыпанную хвоей землю, подобрала хлеб.

— Хорошо вам. Кусочек съел — и брюхо полное. Избы не надо, на любом дереве жить можно, — позавидовал Прошка.

Он надел на плечи котомку, прихватил палку, с которой не расставался. Застрекотали, загомонили сороки, тяжело снялись с ветки и улетели, шумно хлопая крыльями.

Та избушка возникла перед ним внезапно. Лес раздвинулся, и Прошка увидел на поляне одинокий бревенчатый домик в три оконца, с соломенной крышей. И не заброшенный: вон серая лошадь к изгороди привязана, головой трясёт, слепней

СОРОЧЬЕ ГНЕЗДО

отгоняет. Лесная сторожка? Да ведь это заимка, о ней девчонка говорила! Она остерегала: «К заимке близко не подходи. Там место плохое», а Прошка подошёл, хоть и невольно.

Он разыскал и бросил в суму несколько красавцев рыжиков и повернул обратно, миновал озерцо, поваленное дерево. Скоро должно было появиться село, однако Прошка опять очутился у бревенчатой избушки, той же самой. Неужто леший его морочит?

Он бросился бежать от поганого места. Ветки хлестали по лицу, сучья цепляли волосы, котомка колотила по спине. Лишь раз остановился Прошка, чтобы передохнуть и отдышаться. Вот сейчас, сейчас будет Николаевка.

Мимо с пронзительным криком пролетела сорока, чуть не задела его крылом. Он отмахнулся: «Кыш, проклятая!» — и попятился: перед ним снова стояла изба под соломенной крышей. Сорока впорхнула в открытое круглое окно под коньком, похоже, на чердаке гнездо свила. Это к худу: всем известно, что сорока — птица дьявольская.

Скрипнула дверь. Прошка закрыл глаза ладонями, страшась, что на крыльцо выйдет раскосмаченная ведьма, а когда решился посмотреть в щё-

